

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ЯЗЫК Н.М. КАРАМЗИНА

Аннотация. Статья посвящена анализу огромных заслуг Н.М. Карамзина в реформировании русского языка. Многие слова, придуманные Николаем Михайловичем, укоренились в отечественной речи. Но процесс этого словотворчества не был лёгким и успешно признаваемым. И дело не только в обычной состоятельности: в XVIII – начале XIX вв. изобретением новых слов увлекались не только поэты – В.К. Тредиаковский или М.В. Ломоносов, но также историки и литературные критики. За каждым словесным экспериментом маячила идеологическая и философская традиция. В условиях идейных размежеваний было достаточно сложно и рискованно обнаружить языковое будущее, лингвистическую тенденцию. Достижения Н.М. Карамзина здесь безупречны. Отдельные слова, использованные им, не только обогатили русскую речь, но также содействовали серьёзным философским изысканиям. Автор использует принцип историзма, который позволяет показать не только результаты словесной полемики, но и сам процесс его мучительного и сложного развёртывания. Оценивая достижения Н.М. Карамзина в реформировании русской речи, автор стремится показать смену лингвистических пристрастий Николая Михайловича, раскрыть причин неудач отдельных экспериментов, выявить общекультурные установки тех тенденций в совершенствовании русского языка, которые были характерны для этой эпохи. По мнению автора, в связи с 250-летним юбилеем со дня рождения Н.М. Карамзина, многие его достижения в области философии, истории и литературы получили разностороннее освещение. Что касается языка Н.М. Карамзина, его лингвистических устремлений, то эта сторона его наследия нуждается в более углублённом изучении.

Ключевые слова: Карамзин, словесность, язык, реформа, лингвистика, эпистолярный жанр, литература, эстетика, стиль, славяномудрие.

Abstract. The article is devoted to the great contribution of Nikolay Karamzin to the reformation of the Russian language. Many words created by Nikolay Karamzin are now commonly used. However, the process of their creation was not so easy or socially recognized. It is partly due to the competition in word invention that was famous in the 18th – early 19th centuries and performed by not only poets such as V. Grediakovsky or M. Lomonosov but also historians and literary critics. Each word-forming experiment was based on a certain ideological or philosophical tradition. It was rather difficult and risky to look into the future of the language and linguistic tendencies under the conditions of ideological disputes of those times. Nikolay Karamzin's achievements were faultless from this point of view. Certain words used by him did not only enrich the Russian language but also promoted serious philosophical research. The author of the present article uses the principle of historicism that allowed to demonstrate not only the results of the word polemics of those times but also the process of their painful and difficult development. Analyzing Nikolay Karamzin's achievements in the Russian language reformation, the author tries to show the change in linguistic preferences of Nikolay Karamzin, to reveal failures of some experiments and define general cultural attitudes and trends in the Russian language improvement typical for that time. According to the author of the article, due to Nikolay Karamzin's 250th jubilee many his achievements in the spheres of philosophy, history and literature have been finally appreciated and described. As for Nikolay Karamzin's language and linguistic tendencies, this part of his heritage still needs to be researched further.

Key words: Slavic wisdom, style, aesthetics, literature, epistolary (correspondence) genre, linguistics, reform, language, language arts, Karamzin.

В связи с 250-летием со дня рождения Н.М. Карамзина немало говорилось о его заслугах как историка, философа, литератора. Осталась без внимания одна тема – язык Карамзина. Нет сомнения в том, что он был реформатором русской литературной словесности. Словотворчество Карамзина было виртуозным, неиссякаемым. Поразительно, как он мог в толще языковой стихии слышать нужное со-

четание звуков и придать неоспоримую огранку рождённому слову. Дело не только в его академических усилиях обогатить русский язык, реформировать его. Попытки изобрести целевое обозначение для многих явлений жизненной практики не были связаны только с усилиями Н.М. Карамзина. Его деятельность в этой сфере опиралась на мощную традицию. Но его роль в преобразении русского языка оказалась незаменимой.

Начав литературную деятельность, Николай Михайлович сразу выразил неудовлетворённость состоянием русской словесности. Ему не нравился тот язык, который был присущ издаваемым книгам. Он осознал, что облюбованные им принципы и формы общения с читателями невозможно реализовать в формах прежнего языка. Новая эпоха требовала иных средств сотрудничества с читающей публикой. Церковно-славянская направленность не годилась. Высокопарный стиль литературы XVIII в. не стыковался с житейской практикой, обыденностью человеческого бытия. Данный стиль, отражающий церковно-феодалную ориентацию, не обеспечивал возможности диалога с западной языковой культурой. Не принимал Н.М. Карамзин и отечественную традицию патетического, граждански торжественного общения. Славяномудрие многих писателей не рождало у него поддержки и признания.

Огромные обольщения сулила простонародная языковая стихия. Но этот источник живой реалистической речи Н.М. Карамзин воспринимал с откровенной осторожностью. Язык простолюдинов нёс в себе опасность стилизации, преднамеренного опрощения, мнимой демократизации и «слияния» с бутафорской незамысловатостью.

Это вовсе не означает, что Н.М. Карамзин в своих изысканиях был непогрешим. К числу его непродуктивных экспериментов можно отнести, например, предумышленную эстетизацию реальности. Он стремился таким образом к возгонке житейской банальности к возвышенным состояниям духа. Отсюда увлечение сентиментальной жеманностью, словесной узорностью. Но Карамзин и сам был суровым самооценщиком и устранял избыточную приторность, которая поначалу противостояла высокой патетике.

Даже письма Н.М. Карамзина свидетельствуют о том, как неожиданно преображалась его языковая увлеченность. Русский поэт и литературный критик П.А. Вяземский, анализируя творчество Н.М. Карамзина, выбрал для эстетических размышлений письма Николая Михайловича. Первое письмо Карамзина, не имевшее обозначенной даты, предположительно было датировано 1787 г. По мнению П.А. Вяземского, оно написано уже не языком Ломоносова или Сумарокова. «Здесь уже слышится что-то другое, новое, ещё неправильно образованное, но уже пытающееся идти своим шагом и проложить себе свою дорогу; есть уже самобытность, хотя еще не окрепшая. Любопытно и поучительно, перечитывая ныне эти письма, следить за ходом успехов писателя. Язык и слог его, а слог есть характер, есть нравственная личность писателя, совершенствовались с каждым годом. Можно подмечать из писем, как подрастает русский путешественник, творец “Марфы Посадницы” и “Похвального слова Екатерине”. Можно наконец угадывать, до чего вырастет историк Российского государства» [2, с. 251].

Каждая культура несёт в себе особые формы общения людей. В конце XVIII – начале XIX вв. значительную популярность приобрела эпистолярная литература. Люди писали письма друг другу, чтобы выразить свои чувства, обозначить неожиданные эмоциональные состояния. Чаще всего эти письма не носили делового характера, не имели прагматической ценности. Получение письма оказывалось событием особой важности. Здесь можно было излить душу, рассказать об увиденном, вызвать сочувствие. Сам жанр письма как формы исповедальности имел огромную значимость.

Так в художественной практике в конечном счёте появились эпистолярные романы. Характер письма или писем носят такие крупнейшие европейские романы XVIII в., как: «Памела, или Вознаграждённая добродетель» (1740), «Кларисса» (1747-48), «История сэра Чарльза Грандисона» (1754) С. Ричардсона, «Юлия, или Новая Элоиза» (1761) Ж.-Ж. Руссо, «Путешествие Хамфри Клинкера» (1771) Т.Б. Смоллетта, «Страдания молодого Вертера» (1774) И.В. Гёте, «Опасные связи» П. Шодерло де Лакло (1782). К эпистолярной форме в разное время обращались Б. Фонтенель, П. Мариво, Ш. Монтескьё, Р. де Ла Бретон, С. Жанлис, И.К.Ф. Гельдерлин, Э.П. де Сенанкур, Ф. Шлегель, Д. Остен, Ж. де Сталь, О. де Бальзак, А. де Мюссе, Т. Готье, П. Мериме, Ж. Санд, А. Доде, Г. Джеймс, Г.С. Колетт; Т. Уайлдер, С. Цвейг, А. Моруа, Э. Триоле, Ж. Деррида и др.

Размышляя о Н.М. Карамзине, П.А. Вяземский не мог обойти сам жанр письма. Он отмечает, что письма, написанные беглою, подчас рассеянною рукой, обладают особой трепетностью. Как бы ни оценивать этот жанр, он всегда, по мысли критика, представляет собой обдуманное воссоздание жизни. «Письма, – отмечает он, – это самая жизнь, которую захватываешь по горячим следам её. Как семейный и домашний быт древнего мира, внезапно остывший в лаве, отыскивается целиком под развалинами Помпеи, так и здесь жизнь нетронутая и нетленная, так сказать, ещё теплится в остывших чернилах» [2, с. 252].

Философская и поэтическая живость Н.М. Карамзина, естественно, связана с его словотворчеством и реформированием языка. Используя новое слово, он был весьма осторожен, экспериментировал бережно, избегал находчивой прямолинейности, которая, к примеру, была присуща А.С. Шишкову. Тот не без оснований увидел в усилиях русского историка попытку «наполнить» русскую речь достижениями европейской культуры. Н.М. Карамзин не боялся использовать французскую лексику. Поэтому оппонент Карамзина не увидел в языковом творчестве историка ничего ценного. А.С. Шишкову больше нравились его собственные «словечки»: лицей, мокроступы, шарока.

Но кто сегодня сочтёт эти «приобретения» языка безупречным выражением стиля и вкуса? Однако воздав должное европейской лексике, Н.М. Карамзин не стал её заложником. Облюбованное слово «натура» вытеснилось приемлемым «природа», а «феномен» – «явлением». Н.М. Карамзин счёл обязательным освободиться от некоторых «варваризмов» и прибегнуть к расчётливой славянизации русской речи. Лёгкость, гибкость, подвижность языка не давалась без проверок и испытаний. Но реформа не сводилась только к поиску удачного слова, способного стремительно укорениться в языке. Н.М. Карамзин радикально видоизменил русский синтаксис, преобразил лексический состав литературной речи, предложил образцы новой фразеологии. Многие устаревшие слова он обозначил как балласт русской речи и своим авторитетом содействовал обновлению русского языка.

Словотворчество Н.М. Карамзина радикально отличалось от примитивных и простых «изобретений» многих его соперников, в частности, А.С. Шишкова. Опыты Н.М. Карамзина носили системный характер. Прежде всего, он выступал против сложных и громоздких конструкций. Зачастую писатель пользовался калькированием. Рождалось слово по аналогии с иностранным языком. Но чаще Н.М. Карамзин не соотносился с чужими образцами. Вот, к примеру, слова, рождённые собственным стилистическим чутьём: благотворительность, влюблённость, вольнодумство, достопримечательность, ответственность, подозрительность, промышленность, утончённость, тротуар, кучер, трогательный, общественность, человечность, общепользный.

Порой новое слово, введённое Н.М. Карамзиным, можно оценивать как лингвистическое чудо: общественность, всеместный, усовершенствовать, человечный, общепользный, промышленность и др. Но при этом изобретение нового слова для Н.М. Карамзина не было самоцелью. Он обновлял

смыслы уже привычных слов: образ (в применении к поэтическому творчеству), потребность, развитие, тонкости, отношения, положения и много других. Н.М. Карамзин отказался от деления на три стиля, которое было введено М.В. Ломоносовым. Это различие стилей, ставшее нормативным, узаконивало торжественный, патетический стиль и оказывалось курьёзным в ситуациях, когда для такой величавости не было особых оснований. Писатели всё чаще искали более простые и изящные способы самовыражения. Устаревшие словосочетания становились архаичными, неприемлемыми. Письменная речь по лекалам Н.М. Карамзина стала лёгкой, выразительной, изящной.

Поразительно, что лингвистическое творчество Н.М. Карамзина на редкость психологично. Новое слово, согласно наитию писателя и историка, должно соотноситься с душевным состоянием, выражать знакомые чувства, рождать естественные ассоциации с внутренним миром человека. Неоспоримое влияние Карамзина на русскую литературу и на литературный язык признавали все современники. Молодые литераторы убеждённо последовали за Н.М. Карамзиным. Но и сегодня по истечению веков ощущается несомненная благотворность его усилий в совершенствовании языка, углублении его выразительных возможностей.

Как уже отмечалось, новое слово нередко несло серьёзную философскую нагрузку, способствовало преобразению философской рефлексии [4]. Для развития русской литературы значение Н.М. Карамзина исключительно. В литературе он соединил простоту и лиризм, создал жанр психологической повести. В журналистике он ввёл образцы всех видов политических изданий, ставших в дальнейшем традиционными. В истории он создал труд, который принадлежал своей эпохе и до сих пор привлекает внимание учёных и читателей.

Список литературы:

1. Бонецкая Наталья. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 560 с.
2. Вяземский П.А. О письмах Карамзина // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. С. 250-253.
3. Гальцева Рената, Роднянская Ирина. К портретам русских мыслителей. М.: Патриаршее подворье, 2012. 758 с.
4. Гуревич П.С. Карамзин как первооткрыватель личности // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурзы, В.Л. Шаровой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2016. С. 43-64.
5. Карамзин Н.М. Избранные труды / Сост. А.А. Ширинянц, А.Ю. Старостин. М.: РОССПЭН, 2010. 486 с.
6. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=157092&p=6> (дата обращения: 18.08.2016).

References (transliterated):

1. Bonetskaya Natal'ya. Bakhtin glazami metafizika. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 560 s.
2. Vyazemskii P.A. O pis'makh Karamzina // Vyazemskii P.A. Estetika i literaturnaya kritika. M.: Iskustvo, 1984. S. 250-253.
3. Gal'tseva Renata, Rodnyanskaya Irina. K portretam russkikh myslitelei. M.: Patriarshee podvor'e, 2012. 758 s.
4. Gurevich P.S. Karamzin kak pervootkryvatel' lichnosti // Nikolai Karamzin i istoricheskie sud'by Rossii. K 250-letiyu so dnya rozhdeniya / Obshch. red. i sost. A.A. Kara-Murzy, V.L. Sharovoi, A.F. Yakovlevoi. M.: Akvilon, 2016. S. 43-64.
5. Karamzin N.M. Izbrannye trudy / Sost. A.A. Shirinyants, A.Yu. Starostin. M.: ROSSPEN, 2010. 486 s.
6. Lotman Yu.M. Sotvorenie Karamzina. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=157092&p=6> (data obrashcheniya: 18.08.2016).